

Артем Боровик, главный редактор газеты "Совершенно секретно", закончил факультет журналистики, работал в "Советской России", "Взгляде", "Огоньке". Миллионам россиян известен как автор, руководитель и ведущий популярной телепередачи, которая называется так же, как его газета, — "Совершенно секретно".

Артем
БОРОВИК:

"Я никогда не делаю передачу, чтобы кого-нибудь завалить"

— Артем Генрихович, для начала вот о чем. Недавно мы в "Вечернем клубе" попытались ответить на вопрос читателя: сколько детей у мэра Москвы и кто они? Стыдно признаться, но нам не удалось. Лужков был в Берлине, а его окружение засекретило эти сведения, как военную тайну. А вы в "Совершенно секретно" могли бы добыть такую информацию?

— В принципе Москвой мы не занимаемся. Но сейчас разрабатываем новый телевизионный проект: нам бы хотелось, чтобы в передаче появился мэр одного из американских городов и мэр или вице-мэр Москвы. Тому и другому, как предполагается, зададут пятнадцать одинаковых вопросов: личная жизнь, работа, профессия, день, отдых, семья и другие. Потом это могут быть, к примеру, министр обороны России и министр обороны США, бывшие президенты Буш и Горбачев... У больших политиков не должно быть каких-то особых тайн от людей. К тому же любой "секрет" оборачивается против них: тут же рождаются домыслы, слухи.

— Сегодня вас знают все. Грешно было бы не задать вопрос: как помогла вам широкая известность Генриха Боровика?

— Фамилия отца помогла на начальном этапе. Но одновременно она и мешала, потому что с такой фамилией необходимо было опровергнуть стереотип, согласно которому природа отдыхает на детях талантливых людей.

У меня даже был период, когда я хотел взять девичью фамилию мамы — Финогенова. А потом решил, что этой поблажкой я упрощаю себе жизнь. Ведь многим людям с известными фамилиями пришлось доказывать свою самостоятельность. Начиная с Никиты Михалкова и кончая Федей Бондарчуком. И я рад, что не позволил себе пойти на такую слабость. И рад, что попал тогда в "Советскую Россию". При Михаиле Федоровиче Ненашеве это была прекрасная газета. Там собрался отличный коллектив молодых ребят; среди них был Володя Яковлев, который сейчас возглавляет "Ъ", очень талантливый парень Володя Цыбульский, который сейчас делает "Центр-плюс", в общем, многие. А потом, когда ушел Ненашев и "главным" стал

Чикин, мы все разбежались.

— Последний вопрос на "родительскую" тему — совпадают ли ваши политические взгляды со взглядами отца?

— Каждое новое поколение привносит свой взгляд на мир. И в этой ситуации наша семья не исключение. Но с некоторых пор я понял, что политические разногласия это по сути не самое главное, и человеческие отношения ценны не совпадением политических воззрений.

Мне порой значительно интереснее общаться с человеком, который придерживается отличных от моих взглядов, чем с тем, кто смотрит на мир так же, как я. Тот наш экстремизм, который был в начале перестройки, разрушил многие дружбы. Что же касается отношений с отцом, то я его очень люблю. Мы близкие друзья. И чем дальше, тем ближе становятся наши отношения.

— Не так давно по телевидению сообщалось о покушении на вас. Расскажите.

— Позвонил мне Дима Якубовский из Канады весной этого года и предложил сделать передачу о нем, в которой он бы "раскрыл все свои карты". Он хотел, как он выразился, "завалить" одного очень высокопоставленного человека на российском политическом Олимпе. Я не дал ему ответа. Во-первых, я никогда не делаю передачу на заказ или ради того, чтобы кого-нибудь завалить. А во-вторых, Якубовский к тому времени промелькнул уже в стольких программах и газетах, что "Совершенно секретно" просто не имела права быть десятой. А часа через два после звонка я заехал за женой, и мы поехали домой.

На Рублевском шоссе нас зажал слева черный BMW, а справа — "Джип". Они очень профессионально все сделали: BMW, чуть отстав, ослепил дальним светом, а "Джип" нанес удар справа по боковой части машины. Мы пошли юзом и, естественно, чуть не перевернулись. Я подошел к гаишнику, который все это видел, и сказал, что аварию нужно как-то оформить и принять меры, а тот мне в ответ: "Я ничего не видел". Замечу, что Рублевская — правительственная трасса, и там простые гаишники не стоят. Я не думаю, что это "предупреждение" исходило от Якубовского, скорее всего от того человека, которого он хотел "завалить".

— Это было единственное происшествие такого рода?

— Понимаете, я не исключение. В отношении каждого главного редактора или журналиста достаточно жесткой газеты что-то в тот или иной момент предпринималось. Через это проходит вся страна.

— А как жена относится к этой опасности?

— Она прекрасно понимает, что если муж занимается журналистикой, то все это неизбежно. И я это оценил. Кстати, жена моя тоже журналист. И, несмотря на молодость, уже успела нарисоваться.

— Если не секрет, какие гонорары в "Совершенно секретно"?

— У нас очень подвижная система оплаты. За материал, который вообще не пошел в газету, мы, конечно, что-то заплатим автору, чтобы не было обидно. А за хороший, сенсационный материал гонорар может достигать до 100 тысяч рублей за машинописную страницу.

— Часто ли вам приходится покупать информацию?

— Приходится. Подобные вещи происходят и на Западе, но там более жесткие нравственные правила. Например, в Америке не принято платить за интервью — это считается нарушением журналистской этики. Ведь если ты человеку платишь, то скорее всего он скажет тебе то, что, как ему кажется, тебе нужно от него услышать. И если станет известно, что журналист покупал интервью, то это его дискредитирует. А у нас в стране подобная практика всю процветает.

— Скажите, а каким образом вам удается получать доступ в секретные архивы?

— Так же, как и всем остальным, — бла-

га, варварство, преступление. Нельзя было писать о смерти наших солдат, о том, как наша авиация бомбила кишлаки, это бы не напечатали. Я пытался говорить об этом совсем иначе: писать так, чтобы человек задумался — а зачем вообще нужны все эти смерти, ради чего? Но с каждым годом мы завоевывали право писать все больше и больше. Кроме того, не забывайте — началась "гласность".

— А как вы оказались в армии США?

— Тут Коротич очень здорово помог, побил через Министерство обороны; американский корреспондент оказался здесь, а я там. Тогда это было неслышанно — поехать и послужить в армии противника. Тогда, шесть лет назад, мы начали процесс, который сегодня вылился в совместные российско-американские учения.

— Когда вы приглашаете каких-то людей в свою телепередачу, вы учитываете их политические взгляды?

— Мы никогда не подстраиваемся под точку зрения ни большинства, ни меньшинства, ни правительства, ни оппозиции, а делаем то, что интересно нам самим на данный момент. Недавно мы делали несколько передач про сына Берии. Я прекрасно понимал, что демократам больше хотелось бы, чтобы я пригласил, скажем, Галину Старовойтову. Но мы делали материал про Берии, потому что нам казалось, что там масса новых фактов, которых мы раньше не знали. И мы все эти факты вывалили на стол, чтобы телезритель сам разбирался. Уважая зрителя и читателя, мы не занимаемся нравоучениями. И тут, как мне кажется, мы отличаемся от других программ. Как вы заметили, у нас ведущий вообще мало появляется в кадре.

— Неужели вы не думаете о том, какой политический резонанс вызовет тот или иной сообщенный вами факт?

— Если бы я получил достоверную информацию о том, что этот политик — вор, мы сказали бы об этом, даже если бы это нанесло ущерб демократическому движению. Потому что в конечном итоге это, наоборот, пошло бы демократии на пользу. Ведь демократия — это скальпель, который сам лечит наносимые им раны.

— Даже если бы вы получили негативную информацию о человеке, с которым вас связывает личное знакомство?

— Все равно. Журналист должен публиковать правду, не думая о том, навредит она кому-нибудь или поможет.

— А как вы относитесь к публикации фактов, иногда скандальных, из личной жизни тех или иных знаменитостей?

— Я уже говорил: чем больше мы будем знать о людях власти, тем лучше будет для нас, особенно если мы узнаем это до выборов. Ведь мы все зависим или будем зависеть от тех или иных политиков. А потому они должны находиться под лупой у журналистов, как это происходит в тех же США. Мы, к сожалению, гораздо больше прощаем нашим политикам, чем американская пресса — своим.

— Кто ваш "крестный отец" в тележурналистике?

— Анатолий Григорьевич Лысенко — генеральный директор РТР. В свое время именно он пригласил меня во "Взгляд". Он не только мой "крестный отец", но еще и друг.

— Чем, на ваш взгляд, определяется класс газеты или телепередачи?

— Прежде всего — правдой. Как бы ты лично ни относился к тому или иному человеку, к тому или иному событию, явлению, ты обязан сказать о нем правду. Даже если этот человек придерживается совершенно иной политической линии.

Это и есть культура компромисса и культуры вообще. На Западе во время политической борьбы противнику всегда дают возможность сохранить свое лицо. У нас же бьют так, чтобы убить. И если газета напечатала о тебе "нехорошую" правду, ее могут закрыть, или заморозить счет в банке, или отобрать помещение, или отключить канализацию, как в Белом доме, — все на таком уровне.

— Артем Генрихович, где интереснее жить — у нас или у них?

— Люди, которых я люблю или не люблю, живут здесь. И мы обречены на все, что угодно, только не на скуку — на нашу с вами жизнь "развлечений" хватит. И я готов по-нервничать в этой жизни ради того, чтобы внукам нашим стало немножко скучнее. Или стабильнее.

Гостя принимали
Ирина КОРНЕЕВА,
Ольга ФУКС.